

**Иванчин-Писарев Николай
Дмитриевич**

Вечер в Симонове

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Дмитриевич И.**
Вечер в Симонове / Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 126 с.

ISBN 978-5-519-86716-0

ISBN 978-5-519-86716-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Здѣсь воскресли предъ нимъ патріархальныя нравы и снѣтые обычаи предковъ: и новый цѣтокъ его поображенія исторгнулъ слезы не у однихъ юношей или воспоминателей своей молодости, но и у всѣхъ сыновъ отечества. Сюда приходилъ онъ размышлять о нравахъ нашего вѣка, о вредномъ воспитаніи, о свѣтской суетности, и, вдохновенный природою и своимъ сердцемъ, замышлялъ мирить съ добродѣтелію минутныхъ друзей порока. Здѣсь слышались ему звуки древняго вѣща: и душа *Новгородская*, среди заблужденій своспольства, явилась еще великою 4).—И такъ здѣсь возраждалась наша словесность, и Гений отечества, еще сквозь туманъ романическихъ мечтаній, манилъ юношу въ храмъ безсмертія».

Такія мысли всегда сопутствовали мнѣ въ этихъ мѣстахъ, сроднившихся съ памятію Карамзина. Нигдѣ болѣе не дружится съ нею и память Дмитріева; никакое мѣсто не напомнитъ столько объ ихъ полѣтковой связи: здѣсь проводили они цѣлые дни самдругъ, взаимно мѣнясь чувствованіями, крѣпя и возвышая свои таланты 5).

Какъ часто, на крутизнѣ этого прибрежнаго холма, еще отроку, твердилось мнѣ памятное всѣмъ:

Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдѣшу на холмахъ высокихъ,
И спляси вѣки воззову!
Въ какомъ ты блескъ пынѣ зрима,
Княжескій, Царствъ великихъ мать,

Москва! Россіи дочь любима!
 Гдѣ равную тебѣ сыскать?
 Вынецъ твой перлами украшенъ,
 Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
 Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
 Сіяютъ въ златъ, какъ въ лучахъ;
 Отъ Норда, Юга и Востока,
 Отвсюду быстротой потока
 Къ тебѣ сокровища текутъ;
 Сыны твои, любимцы славы,
 Красивы, храбры, величавы,
 А дѣвы — розами цвѣтутъ. . . .

и какъ сказалъ возвышенный Жуковскій:

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умилениемъ
 Сей голосъ я подслушивалъ тогда б)!

Я подслушивалъ его, — казалось, пѣлъ за нимъ въ тайнѣ, и думалъ: увижусь-ли когда съ пѣвцомъ? . . . И послѣ, на этомъ же холмѣ, среди его прелестныхъ видовъ, я бесѣдовалъ съ Пѣвцомъ Вѣтхаго деньми, Волги, Ермака и Пожарскаго, съ первымъ поэтомъ, который покорилъ пѣжному и легкому языку Ломоносова, — съ старцемъ незабвеннымъ для моего сердца, которое, пока живо, будетъ оплакивать вѣчную съ нимъ разлуку; пока живо, сохранить память девятнадцатилѣтней дружбы, коей почтилъ онъ меня при неравенствѣ нашихъ лѣтъ, при малости заслугъ моихъ въ качествѣ писателя. Я посвятилъ ему лишь слезы невыразимой благодарности, уступивъ другому, также чтившему его, сказать о благодарности къ нему Россіи: Онъ исполнить этотъ долгъ достойно и любви своей къ нему и своего таланта,

известнаго согражданамъ; — я же, повторяю, оставилъ себѣ однѣ слезы, и память болѣе нежели пріязненнаго, прямо родственнаго вниманія. Часто, здѣсь, одобренный его участіемъ, я вынималъ свои черновые листочки; онъ спѣшилъ ихъ брать, — внимательно прочитывалъ, и, неусыпный стражъ Русскаго слова, замѣчалъ карандашомъ слабыя мѣста, погрѣшности противъ языка, вкуса или благозвучія. Слѣдовали рассказы о литературной его жизни, подробности, то наставительныя, то блиставшія искрами невинной шутки, которая означала всегдашнюю ясность души его. Какъ много говорилъ онъ здѣсь о другѣ своемъ, Карамзинѣ, о своей молодости, съ нимъ вѣсть проведенной! — Опечаленный, убитый его смертію, здѣсь онъ уговаривалъ меня писать объ немъ 7). — Сюда не рѣдко выходилъ къ намъ и тихій житель Симоновской слободки (также новый отшельецъ земли), совоспитанникъ Дмитріева и кровный товарищъ его дѣтства: кто не зналъ Бекетова, который любилъ изящное, и всею жертвовалъ пользѣ отечественныхъ писемъ! — Еще я не достигъ старости, но уже могу сказать по опыту сердца: *жить долго есть терять милыхъ!*

Помню, какъ приходилъ я сюда съ переводомъ элегіи: *сельское кладбище*, тогда бывшей для меня чѣмъ-то магическимъ, и твердилъ ее, задумчиво любясь вечернимъ небосклономъ. Уже юноша, осмѣлившійся въ годину бѣдствія и славы пролетѣть объ ней языкомъ поэзіи, всходилъ я на этотъ холмъ съ Пѣснями ея достойными, и, въ виду Кремля, этого Русскаго *Слона*, повторялъ мольбы, обѣты и

клятву Пѣвца-патріота, повторялъ эти сильные удары на душу, эти огненные порывы, оправдывающіе незабвенный его стихъ: *«Поэзія есть добродѣтель!»* стихъ, которымъ онъ опредѣлилъ свою, олицетворенную лишь въ Харитѣ древнихъ или въ чистыхъ образахъ Рафаэля. Но довольно; онъ еще съ нами, еще на землѣ, къ славы отечества и къ утѣшенію всѣхъ его знающихъ.... Ему не нужна моя скудная дань; но я не могъ не вспомнить здѣсь о немъ: здѣсь такъ часто проявлялось все, что заронилось лучшаго въ глубину души моей!

Снова подошелъ я къ стѣнамъ Симонова; присѣлъ подъ тѣнію прорѣдившихся вязовъ его, свидѣтелей столькихъ вѣковъ и ихъ тревоженій; обпалъ взоромъ тѣже виды, и не нашелъ въ душѣ своей прежнихъ восторговъ: тамъ осталась одна лишь память. Но я съ какимъ-то новымъ чувствомъ умиленія смотрѣлъ на первопрестольную, какъ на святую страдалицу, отъ Батыя до Наполеона столь часто изъ пепла возникавшую; задумчиво переносился къ временамъ тлжкимъ, къ невзгодамъ отечества, когда все унывало въ немъ кромѣ Вѣры; долго помышлялъ о минувшемъ, — и предался крепкой, сладостной дремотѣ.... Предо мною оживаютъ пять столѣтій; мнѣ видится эта Москва, при разгромѣ царства тихо растущая къ величію; на стѣнахъ ея Дѣтинца мелькаютъ стяги Донскаго, уже бичи готовые на Мамая, уже вѣющіе славою ~~воинского~~ успѣха. Взоромъ обнимаю окрестность: тамъ, изъ-за древнихъ дубовъ, проглядываетъ смиренная маковница *старого Симонова*; близъ храма его, пустыннока-

ми срубленного, сверкаетъ прудецъ изрытый святымъ трудолюбіемъ; надъ нимъ сидятъ богомольцы; а здѣсь, на крутизнѣ прибрежной, вижу старца-инюка, ведомаго ученикомъ своимъ. Онъ водружаетъ въ землю посохъ, и говорить своему наперснику кропному (*):

«*Оеодоръ*, ты полюбилъ это новое мѣсто: благословляю его 8). Здѣсь еще виднѣе свѣтыня Кремлевская; видна и запустѣвшая обитель, гдѣ молился Князь Даниилъ, приготовивъ Москву къ первопрестолію. Иноки державнаго схимонаха еще разъ перемѣстятся; но *Обитель Даниила* воспомянется и процвѣтетъ 9). Ближе и созданный имъ храмъ Успенія: многіе измѣнятся вѣками и рукою челоуѣка, но *Крутицкій* сохранить святую древность 10). Видно и *Коломенское*, отчина друга моего, Князя Владиміра, страшнаго врагамъ, смиреннаго предъ нашимъ недостойнствомъ. Я благословилъ ему *Высокій*, близъ его Серпухова, и отпустилъ къ нему Аѳанасія: оттолмъ возсіюють свѣтильники Боровску и Волоколамску 11).—Тамъ высѣтся кресты новой обители: *Андроникъ*, предавъ ей свое имя, въ ней спасется. Для ея основанія Владыка Алексій призывалъ меня, многогрѣшнаго и худаго своего послушника, и вѣщаль такъ: «Сергіе! когда я плывъ отъ Константинограда, меня застигла буря у береговъ Корсунскихъ: нося съ собою даръ великій, чудную икону Перукотвореннаго Спасова образа, и долго біемый волнами, я далъ обѣщаніе: достигшу мнѣ цѣлу, создать на память сего храмъ, устроить при немъ обитель, и внести въ него сію Икону. Пойдемъ, и вкушъ изберемъ мѣсто. Я при-

(*) Сочинитель здѣсь пользуется правомъ поэтовъ и ораторовъ, влагаетъ въ уста св. старца повѣсть минувшаго и будущаго.

велъ его на красный берегъ Яузы; онъ благословилъ его, указавъ гдѣ быть храму, и вѣлъ у меня Андроника. Святитель хотѣлъ возложить на меня бремя свыше моего недостойнства и худоумія: хотѣлъ, чтобы я пасъ духовное стадо всея Россіи, вступивъ по немъ на престолъ Митрополитъ; но я умолилъ его оставить меня игуменомъ у Святыя Троицы, и не созлекать съ меня моей скудной ризы (12). Владыка смилосердился, ибо вѣдалъ, что и Великодержавніи Князи, и всѣ люди не преклонятъ меня къ тому. Дважды я не преслушался его воли: въ первые, когда, получивъ отъ Патріарха крестъ и парамандъ и схиму и грамоту, я бѣжалъ изъ обители въ пустыню, чтобы бѣжать славы человеческой и духа властолюбія, и тамъ въ молчаніи и трудахъ работать Богу (*); но былъ вызванъ имъ къ общежителству съ братіей. По сему онъ понудилъ меня возложить на перси крестъ, златомъ и каменіемъ украшенный: ты вѣдася, былъ ли я когда златоносцемъ!—но я не посмѣлъ претить Владыкѣ Первосвятителю, и сотворилъ послушаніе. — Да успнеть онъ съ миромъ: до исхода души моей не престану ублажать святую память пастыря, душу свою полагавшаго за овцы. Онъ много потрудился за насъ въ тугъ странствій Ордынскихъ,—и даже отъ лютаго Бердибека *принесъ намъ житіе мирное* (13). Кто болѣе достоинъ первый воспѣть хвалу Богу, готовящему намъ побѣду? — но онъ скоро отзовется въ жилище покоя и награды, въ обитель свѣта немерцаемаго! Святому предстанеть открыть нетлѣнныя

(*) Житіе свят. Отецъ, Сентябрь, листъ 110 на оборотѣ.

мощи святаго 14). По немъ, властолюбивый Митяй въ киченіи сердца своего почнетъ добывать Митрополіи; возстанетъ и на мою смиренную обитель, — но не доплыветъ до Царя-Града 15)... Не забывай отсюда молиться и обители *Алексіевской*: тамъ привитають двѣ блаженныя сестры Святителя. Она прословеть *Зачатейскою*, — и чрезъ двадесять три десятилѣтій зачнется отъ нея спасеніе граду 16). — Видайся и бесѣдуй съ Андроникомъ; укрѣпляютъ другъ друга на паствѣ Христовой примѣромъ молитвъ и пощенія, и благословляютъ Святиню, сию-же хранится градъ престольный; я же не престану благословлять сіе мѣсто: да не оскудѣетъ оно въ молитвенникахъ близкихъ Богу. Я желаю, чтобы ты игуменствовалъ по мнѣ у Святыя Троицы; — но блюди вертоградъ сей, и насаждай его, доколь не будешь отозванъ къ словесному стаду Ростова. Не преставай назидать душу Державнаго, — и въ часы кельиной бесѣды, и въ часы святаго Исповѣданія воскреснай ее къ дѣламъ великимъ, укрѣплай въ напастяхъ житійскихъ, смирай въ торжествѣ успѣховъ.

«Ты многожды посѣтишь колыбель Православія; поклонись святынямъ Царскаго града, лишь тамъ примешь поставленіе отъ руки Святѣйшаго, и вознесешь нмѣ своей обители паче иныхъ; напоследѣи же вознесешь и свое 17). Кирилъ будетъ въ ней первымъ преемникомъ твоимъ; перейдя же на Бѣло-озеро, прославить ее своею святостію и въ дальнемъ краю сѣвера, гдѣ созиждетъ обитель знаменитую. Здѣшній подругъ его, Гералонтъ, сперва пустыи-

никъ и пещерникъ, потомъ основатель, предастъ имъ своею новой обители. Призванный сыномъ Великаго Князя (нынѣ еще не рожденнымъ), создастъ въ Можайскъ храмъ, и соберетъ къ нему братію. Скопчавшусяжъ Кириллу, единъ отъ вѣрныхъ ученикъ его, урѣвъ себя честимымъ, побѣжитъ чрезъ моря бурныя на островъ хладный, отдаленный, а съ него на дикій и безлюдный; въ немъ водворится, и освятитъ его знаменіемъ Креста 18). [(Я буду навѣщать васъ; но всегда вниду прежде въ келію Кирилла 19)]. — Многіе Архипастыри и главы Россійскія Церкви изыдутъ изъ крововъ твоей обители. Начальницы предукажутся ей гласомъ угольниковъ Божіихъ 20). Единъ отъ юношей-иноковъ ея проречется быть первымъ Святителемъ земли Русскія, и, по краткомъ соблазнѣ, который искуситъ святую Церковь, онъ возвыситъ нашу Митрополию во славу правовѣрія и въ студию немогущей Греціи; а по успеніи, будетъ споклоняемъ Петру и Алексію 21). Старцы ея вознесутся правдою сердець и устъ своихъ; не укоснятъ стать ея въ слухъ Державныхъ, — и одинъ постраждетъ; но въ писаніяхъ онъ уподобится святому Антонію 22); таковы будутъ вскормленники Симонова.

«Окрестъ сей обители стануть многія: отъ Кремлевскихъ гридней перейдутъ иноки *Спаса Боровицкаго* на ближній холмъ, и на томъ мѣстѣ *новомъ* воспоютъ славу Божію 23). Тамъ, на пути къ Смоленску, гдѣ Государь, Святители и народъ отпущать къ сему граду Икону Одигитріи, его древнюю святыню, воздвигнется обитель 24). Туда, на *Воробье-*

во поле, чрезъ два вѣка, изнесется Икона Богоматери, имущая скоро прибыть съ береговъ Дона; она именуется *Донскою*; бойницами твоей и окрестныхъ твердынь сокрушить врага, и воспалится, сперва въ смиреншой кущъ воиновъ, съ моимъ недостойнымъ именемъ, — потомъ во храмъ благолѣпномъ 25).

«Пребывай здѣсь: вручаю тебѣ писаніе къ Архипастырю о твоёмъ Игуменствѣ въ новой обители: онъ любилъ отца твоего, который сподобился облещи его въ ангельскій образъ 26). Не замѣди предстать ему: онъ дастъ тебѣ благословеніе вмѣстѣ съ послѣднимъ цѣлованіемъ. Я уже простился съ нимъ до воскресенія мертвыхъ. — Миръ даю тебѣ; самъ же отхожду ко Святой Троицѣ, молиться, да укротить Господь распри Державныхъ... О смуты и усобія кровныхъ! о шатаніе сердець и умовъ! — отъ васъ гибнетъ и стонетъ отечество!.. 27).— Другъ мой, я родился въ тяжкія же времена, когда на Сѣверѣ пылали наши грады, на Югѣ былъ отторженъ святой Кіевъ, ~~отъ~~ *Россіи*, на Востокъ болѣе сгущалась туча лютыхъ супостатъ, и Узбекъ, томля Россію, истязалъ Михаила Тверскаго 28). Съ тѣхъ поръ, во всю жизнь, полную дней, я видѣлъ ся краткую радость, долгія скорби. Отъ самой юности, проведенной то въ скудномъ кровѣ Радонежа, то въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, это сердце не преставало трепетать о судьбѣ отечества, какъ и о вѣчномъ моемъ спасеніи. Но Богъ не до конца гнѣвается: часто сквозь бурю напастей Онъ даетъ просіявать нсвечерней зарѣ возстанія: Святитель Петръ

уже пастъ духовное стадо, и готовился перенести сюда свой Кіево-Владимірскій престолъ; Іоаннь Даниловичъ готовился великокняжить и прійти отъ устъ святаго старца пророчество: «Градъ твой (Москва) прославится, и Богъ въ немъ прославленъ будетъ, и руки его въздуть на плещи врагъ его». — Совершится; ибо Россія не сгибла, — и меня, отходящаго ко гробу.... (возвѣщу тебѣ сокрытое отъ премудрыхъ, ланное младенцемъ)... Господь сподобитъ меня узрѣть ея славу, напутствовать молитвой святому ополченію, благословить державнаго Димитріа, услышать о первой побѣдѣ, въ коей Русскіе стачутъ твердо на костяхъ вражїихъ, и зачатую обитель на берегахъ Дубны обратить въ святый памятникъ сей побѣды: Леонтій довершитъ его 29). Едва утвердишь ты на семъ мѣстѣ основаніе дому Пречистыя, честнаго ея Успенія, какъ придутъ тѣлеса моихъ оружищъ, дотоль сомолитвенниковъ, тобою знасмыхъ: Пересвѣтъ и Ослябя сложатъ главы своя межъ Дона и Непрядвы. Святая схима будетъ ихъ браннымъ доспѣхомъ: ея благословію моихъ Витязей — ими Димитріево воинство. Они воспомянутъ крѣпость мышницъ своихъ; призовутъ Бога, — и умалится горькая чаша, готовимая Христїанамъ 30). Близъ теперешней твоей келїи, у храма *Сошествія Святаго Духа*, на прѣжъ сего благословенномъ мною тебѣ мѣстѣ, погребутся они: тамъ срубится храмъ во имя *Рождества Богородицы*, чествуемаго въ день грядущей побѣды 31). [Строй души ихъ на всякое лѣто панихиднымъ пѣніемъ въ Субботы, которыя, доколе стоитъ Россія, прослы-